



Глава первая

ТАНЦЫ НА ОСТАНОВКЕ

Лидия считала, что танцевать нужно везде, где только можно, — на тротуарах, в супермаркете, в библиотеке, в бассейне, на парковке. Или, например, как сегодня, — на автобусной остановке, прямо на скамейке. Скамейка, правда, узковата, особо не растацуешься, но Лидия ступала осторожно, прыжков избегала, чтобы не упасть, и вообще танцевала больше руками, чем ногами.

— Маэстро, музыку! — потребовала она. — *Какой темп, мисс Пендервик? Хотелось бы пободрее, маэстро... Значит, бодрый. Начали!*

С пением у Лидии было не так здорово, как с танцами, чаще всего её внутренний маэстро немножко

перевирал мелодию, — но зато ритм! В танце, в движении Лидия сама и была ритм. Или, как говорил её папа, Воплощение Музыки. Он говорил это ещё давно, когда Лидия, в силу юного возраста, не совсем понимала, что такое «воплощение». Теперь-то, к концу пятого класса, она уже знала практически все папины слова, в смысле английские (иногда папа переходил на латынь). Воплощение — это значит, что своим танцем она оживляет музыку. Или даже так: она оживляет *дух* музыки!

Завершив последний оборот, Лидия поклонилась. Аплодисментов, правда, не последовало: людей на остановке больше не было, а собаки Пендервиков не очень-то интересовались танцами. Старшая, Соната, спала под скамейкой; Соната вообще в основном спала, она была собака Дзен — так её называла мама Лидии. Зато Шпат (полное имя Полевой Шпат), сын Сонаты, с такими же, как у неё, глупыми и выпученными глазами, был точно не Дзен. Шпат считал, что жизнь дана для радости, особенно две ценные составляющие этой жизни: Бетти (старшая сестра Лидии) и последний из его охотничьих трофеев — вещь, которую он где-то добыл и, добыв, гордо носил в зубах. Сегодня это была пластмассовая вешалка для одежды.

— Только не грызи её, пожалуйста, а то ещё слопаешь кусок, — сказала ему Лидия.

Шпат окинул её надменным взглядом. За кого она его принимает? В его сложной многопородной

ДНК имелась, между прочим, и частичка ретривера, а ретриверы никогда не лопают трофеев, тем более когда они, эти трофеи, пластмассовые и невкусные. Ну и что, что один раз он нечаянно слопал Лидийн ободок для волос? Это же не значит, что у него не осталось никаких инстинктов.

Лидия вытянула шею и глянула на дорогу — не идёт ли автобус. Они с Сонатой и Шпатом ждали бостонского автобуса, который вёз домой Бетти. В Бостоне Бетти училась музыке и, по мнению Лидии, приезжала слишком редко и слишком ненадолго: на этот раз она пробудет всего лишь до воскресенья. Никто из сестёр и братьев Пендервик (точнее, из сестёр и брата, брат был только один) не понимал Лидию и её любовь к танцам так, как понимала Бетти. Наверное, это из-за того, что сама Бетти прекрасно пела. То есть они обе, Бетти и Лидия, воплощали музыку, хотя и по-разному.

С тех пор как Бетти стала студенткой и уехала в свой музыкальный колледж, дома с родителями жили только Лидия и её шестнадцатилетний брат Бен. Но Бена интересовали преимущественно две вещи: смотреть кино и снимать кино, — то и другое он обычно делал вместе со своим лучшим другом Рафаэлем, а Лидии время от времени доставались роли в их фильмах. Она уже перебивала девочкой-вундеркиндом, павшей от рук вражеских агентов, чемпионкой по шахматам, которую задушила безумная соперница, и Жанной д'Арк, сожжённой

на костре; в текущем кинопроекте она была разумным яблоком и ей предстояло быть съеденной в конце фильма. Лидия уже устала каждый раз умирать ради Бенова искусства и очень надеялась, что он переключится на какие-нибудь другие сюжеты.

В семье были ещё три старшие сестры, но уже совсем взрослые — за двадцать. Две из них, Розалинда и Джейн, снимали квартиры неподалёку от дома, поэтому заезжали, забегали или заскакивали почти каждый день. А третья, Скай, жила на западе, в Калифорнии, — писала там диссертацию по астрофизике. Скай уехала в Калифорнию поступать в университет, когда Лидии было всего четыре, и с тех пор приезжала домой не чаще двух-трёх раз в год. Лидия ужасно по ней скучала. Согласно семейному преданию, Лидия была первым младенцем, к которому Скай по-настоящему привязалась. Сама Скай, правда, утверждала, что ничего подобного, сроду она не привязывалась ни к каким младенцам, а младшую, Лидию, заметила, только когда та научилась говорить хоть что-то осмысленное, то есть года в три, — но Лидия ей не верила. Она-то помнила, как было хорошо, тепло и уютно, когда она лежала закутанная в одеяло, а сверху на неё глядели синие глаза Скай.

Автобуса пока нет — значит, можно продолжать. Теперь Лидия захотела станцевать великую страсть и великую красоту, и её движения сразу сделались медленными и плавными. Правда, великую страсть она пока не успела испытать на личном опыте, при-

ходило воображать. Зато красоты кругом было видимо-невидимо — взять хотя бы цветущие нарциссы во дворе у Айвазянов, через дорогу от остановки. Или даже вот: взять хотя бы её собственные волосы. Вообще-то Лидия не считала себя красавицей — но волосы! Рыжие-рыжие, и вьются правильными колечками — как у мамы. Или как у Бена. У старших сестёр волосы не такие — это понятно, у них же была другая мама. Но она умерла задолго до того, как родилась Лидия.

Под финал Лидииного танца Шпат начал производить звуки, которые в семье Пендервик вежливо именовались лаем — хотя их точнее было бы назвать потягиванием с подкашливанием. А как ещё может лаять собака с длинной вешалкой поперёк пасти? Но на такой случай у них с Сонатой имелась отработанная схема: всякий раз, когда Шпат раздражался этими своими странными звуками, вступала Соната с настоящим «гав-гав-гав», так что в общем и целом получалось примерно то, к чему Шпат изначально и стремился.

Ровно это сейчас и произошло: Соната проснулась и залаяла во весь голос. Спрыгнув со скамейки, Лидия крепче взялась за собачьи поводки. Она давно усвоила, что приближение Бетти собаки чувствуют издалека. Если всполошились — значит, автобус с Бетти уже где-то рядом. Так и есть: вот он, только что перевалил через пологий холм и катит к остановке — вместе со своим драгоценным грузом.

Когда Бетти, сияя, вышла из автобуса, счастливая, что она дома, — как и сам дом и все его обитатели скоро будут счастливы, что она дома, — Лидия молча отступила на шаг. Потому что собаки всегда первые, это ясно. Вот и собакам это было ясно, и они льнули к Бетти и дрожали от радости, когда она, шепча что-то нежное, любовно оглаживала их с головы до подушечек лап и убеждалась, что обе собаки здоровы и довольны, как было и в прошлый её приезд. Бен однажды назвал Бетти «Святым Франциском Камеронским» («Камеронским» — потому что из Камерона, города, где живут Пендервики) — и никто с ним не спорил. Кроме самой Бетти, которая считала, что безграничная любовь к животным — это нормально и нет тут никакой святости.

Когда собачий ритуал завершился, Бетти переключилась на сестру: осмотрела со всех сторон под разными углами, оценила рост, долго и пристально глядела в глаза. Потом сказала:

— Ты вытянулась с моего прошлого приезда.

— На треть сантиметрика, — подтвердила Лидия, гордясь этой третью сантиметрика.

— В школе всё в порядке?

— Проходим столицы штатов — скучища.

— Мы тоже проходили. Я из них помню только Гаррисберг, столицу Пенсильвании, и то потому, что Генри всё время называл его «Генрисбергом» и его за это ругали... И Бостон, разумеется.

— Споёшь мне? — свернула Лидия на тему, которая интересовала её больше. — Я сейчас пробую танцевать фламенко.

Немного подумав — пробежавшись по обширной песенной библиотеке у себя в голове, Бетти сказала:

— Тогда пусть будет «Послушай мой ритм»¹. Это классика.

И сразу же запела, а Лидия затанцевала — это получилось легко, потому что так у них было всегда. Самые ранние воспоминания Лидии были о том, как она вертится и подпрыгивает посреди гостиной, а Бетти играет на пианино и поёт. Старшие сёстры говорили, что Лидия научилась танцевать раньше, чем ходить, хотя она и не совсем понимала, как такое возможно. Может, её сегодняшнему фламенко немножко не хватало пылкости и страстности — наверное, стоило попрактиковаться ещё несколько лет, да и туфли вместо кроссовок тоже бы не помешали, — но зато было ужасно весело, а на притопах и прихлопах даже Бетти к ней присоединялась.

— *Excelente*², — сказала Бетти, когда они допели и дотанцевали. — Как же хорошо дома!

Растолкав Сонату, которая успела уснуть в середине фламенко, они побрели по улице Гардем —

¹ Бетти выбрала песню *Oye Como Va* (исп.) американского музыканта Тито Пуэнте. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² *Excelente* по-испански значит «превосходно».